

Протоиерей Максим Козлов: Слушай, что тебе близкий человек о тебе скажет

07.11.17

Когда в 90-е годы началось возрождение церковной жизни, молодые священники шли как по тонкому льду, с нуля выстраивая традиции и правила приходской жизни. Методом проб и ошибок за десятилетия был наработан свой уникальный опыт служения. Правмир начинает цикл интервью с настоятелями приходов, в котором священники делятся своим опытом и традициями в самых разных областях церковной жизни. Открывает цикл беседа главного редактора Правмира Анны Даниловой с настоятелем храма прп. Серафима Саровского на Краснопресненской набережной протоиереем Максимом Козловым.

Куда уходит горение?

– Отец Максим, если говорить в целом о последних двадцати, двадцати пяти годах жизни Церкви, что изменилось в жизни прихода?

– В советское время самый регулярный вариант приходской жизни включал в себя богослужение и совершение таинств, а в идеале – и неофициальное, откровенное общение со священником. Все остальное было факультативным и встречалось нечасто.

Помощь прихожанам, находящимся в затруднительной ситуации, общение молодых или немолодых прихожан друг с другом – все это было, но не столько на приходе, сколько просто между собой. Сейчас у нас открыты тысячи храмов, появились все возможности

для любой внебогослужебной деятельности.

Изменился социальный состав приходов – по крайней мере, в больших городах. В конце 70-х – начале 80-х годов храмы наполняли в основном женщины старше 55 лет. Сейчас уже не пенсионеры составляют большинство молящихся в воскресные и праздничные дни, а молодежь, семьи с детьми, люди среднего возраста. Люди внутри прихода имеют все возможности для коммуникации, в том числе и приходские сайты, форумы, рассылки. Странно было бы, если бы этого не возникло в ситуации нынешней религиозной свободы.

Однако не все так просто с точки зрения вечности и спасения. Конечно, когда мы вспоминаем юность, всегда говорим, что небо было светлее, мороженое вкуснее, девушки красивее, а вера горячее. Но ведь и правда, что до самого конца советского времени для многих верующих людей церковность была сознательным, ответственным и не всегда легким жизненным выбором, в иных случаях рискованным.

Сейчас этого нет.

Наше время все больше походит на Константиновскую эпоху, когда в Церковь вошло множество людей, которые до того в ней не были по разным причинам. Эта массовость неизбежно приводит к понижению качественного состава полноты церковной – и клириков, и прихожан.

В 90-е годы у многих был порыв и энтузиазм, люди были готовы руками расчищать храмы, приход становился вторым, а иной раз и первым домом. Было осознание общности, ощущение почти к небу полета. Это были замечательные отношения, но сегодня невозможно их искусственно реанимировать.

Сейчас не другие люди пришли – мы стали другими. Про себя точно могу сказать, что в 90-е годы я был лучше, чем сейчас. Церковная жизнь стала организованнее, стройнее, правильнее, – но как добиться, чтобы при всех этих правильных вещах горение духа не ушло?

Большинство находящихся сейчас в Церкви взрослых людей, по сути, – первое христианское поколение. Тех, кто вырос в сознательно верующей семье, немного. В какой-то мере сейчас проверяется, а что мы, собственно, сумели вырастить, кроме экстенсивного развития Церкви вовне и создания всех столь необходимых институций.

Конечно же, социальные, образовательные, культурные инициативы в Церкви очень важны, но все это будет осмысленно и приносить пользу, если возрастает внутренний человек. Если мы за эти годы хоть сколько-нибудь научились молиться, если Евхаристия для нас стала не обычаем, не привычкой, а необходимостью. Если, освободившись от тяжких грехов, мы научились вести борьбу дальше – с не столь очевидными для нас самих и не так побуждающими к покаянию внутренними состояниями.

Учителей было немного, и счастливы те, кто смог воспринять Предание в собственном смысле слова, из рук в руки: от человека, который сам опытно знает, как десятилетия жить в Церкви – священника, старшего прихожанина, просто более опытного или более мудрого друга. Тогда проблемы многолетнего пребывания в Церкви, как и семейный кризис, преодолеваются.

Если же все было только по книжкам, если сначала задрали планку очень высоко, а потом, как у многих из нас бывало, оказалось, что мы не справляемся... Мы нередко возвращались к тому, от чего когда-то отказались: от светскости жизни, кинематографа, включенного телевизора – каждый про себя знает, к чему он вернулся.

– В чем, на ваш взгляд, главная проблема современного христианина?

– Мне кажется, большая проблема в том, что многие из нас не живут подвигом – каждодневным, регулярным усилием, – а плывут по течению. «Я же не страшный человек – не святой, конечно, но и хуже меня есть грешники. Как-то и не таких Господь спасал, и я, наверное, спасусь как-то...» Это существование по инерции, на самом деле, страшноватое.

Мы вполне искренне пустили в оборот термин «пастырское выгорание», взятый из психологии, а теперь обижаемся, когда Патриарх говорит, что для священника выгорание – неестественная вещь. Если посмотреть даже не на жизнь, а на литературные примеры – протоиерей Туберозов из «Соборян» не выгорал, хотя у него были проблемы, он сталкивался с непростой консисторской действительностью. Святоотеческая традиция не знает такого термина. Я бы вообще осторожно относился к переносу понятий из психологии на христианское восприятие человека, в том числе священника.

Состоянием многих христиан стало не горение, а тление. Немножко огоньку к Пасхе, к Рождеству раздует, перед Великим постом что-то затеплится, а потом опять угольки.

Много лет назад один очень опытный священник мне сказал, что для того, чтобы в какой-то мере ощущать тот порыв, импульс, беспокойство, стремление духа к горнему, которое было, но ушло, надо всю жизнь – всю, а не только в начале! – от чего-то ради Христа отказываться.

Надо ради Бога от себя отсекаать не только греховные вещи, но и все, что крылышки обрезает, к земле притягивает – балласт сбрасывать, даже если он тебе дорог. Понятно, что это не каждую неделю что-то новое, даже не каждый месяц или год, но стоит спросить себя: когда я последний раз от чего-то существенного ради Христа и стремления к Небу отказался? Если такие усилия мы прилагаем, тогда и дух живет. А

если нет, то на троллейбусе в Царство Небесное не доедешь.

Если нет примера любви, воскресная школа не спасет

– Отец Максим, все ваши дочери остались в Церкви, как и очень многие дети, выросшие в вашем приходе, расскажите о вашем опыте – уход детей от церковной жизни – одна из самых сложных проблем.

– Величайшая и незаслуженная милость Божия в моей жизни – что несмотря на то, какой я, мои дочери из Церкви не ушли. Благодарю Бога и жену за то, что мы не переживали этого ужаса, когда дети отходят от Церкви, начинают жить какими-то мирскими интересами и приоритетами. Я осознаю, что наломал огромное количество дров при воспитании – опыта-то не было.

Сейчас я понимаю, что очень важно детей, с одной стороны, не перегрузить церковностью. Не надо в 5-7 лет ставить детей вычитывать утренние и вечерние молитвенные правила, которые нам самим достаточно тяжело даются. Еще неизвестно, с какой регулярностью и интенсивностью мы сами это делаем! Ребенок не сможет все эти слова воспринимать. Не надо перегружать специфической церковностью разговоров ради воспитательных целей.

С другой стороны, и сдаваться нельзя. Нельзя говорить, что мы живем как все остальные, только в воскресенье ходим в церковь, как-то соблюдаем то, что мы называем постом – а на самом деле оно почти виртуальным образом соотносится с церковным уставом, еще в чем-то себя ограничиваем.

Если родители сами в Бога верят, друг к другу относятся с любовью и в высоком смысле по-христиански, молятся о своих детях, подают хоть слабый, но пример жизни во Христе, это поможет детям остаться в Церкви. Если этого нет, а есть вилка между декларациями и реальной жизнью, то никакая воскресная школа не спасет.

– С какого возраста водить ребенка на полную службу?

– Все дети разные, и ситуация в семьях разная. Если в семье много детей, то приводить старших раньше, а младших позже не получится. Мама к одному моменту едет, папа к другому – сколько надо денег иметь, чтобы такую жизнь себе организовать?

Если есть возможность, то с трех-четырёхлетними детьми хорошо бы быть в храме к Евхаристическому канону. После пяти, а кому-то и попозже, я советую прихожанам детей приводить до Евангелия. С того момента, когда дети начинают исповедоваться, нужно присутствовать на всей воскресной или праздничной литургии, если она не специфически затянута на вашем приходе.

На мой взгляд, начинать исповедоваться не обязательно в семь лет, потому что осознание греха как греха отнюдь не всегда к ребенку приходит в этом возрасте. По моим наблюдениям, чаще это бывает ближе к 9-10 годам, но это вопрос индивидуальный, лучше его обсудить с внимательным священником и самим наблюдать за своими детьми.

С воскресным вечерним богослужением не так просто. Не уверен, что ребенка нужно водить на каждую всенощную, но раз или два в месяц можно. Приходить хотя бы ближе к полиелею, если двенадесятый праздник – к литии. С этого можно начинать, а дальше смотрите по реакции ребенка. Он будет втягиваться, если вы ему будете объяснять, что происходит, зачем это нужно, какой в этом смысл, особенно если речь идет о празднике в честь того или иного события Священной истории. Очень хорошо было бы пересказать смысл тропаря и величания простыми, понятными ребенку словами. Чем больше он будет понимать, тем менее скучно ему будет на богослужении.

Воцерковленность – не гарантия семейного счастья

– В вашем приходе всегда было очень много венчаний и молодых семей. Когда и кому вы даете благословение на брак? Было ли такое, что не благословляли кого-то создавать семью?

– Я убежден, что вопрос о создании семьи должны решать те, кто эту семью создает, а не священник. Никогда не практиковал благословений вроде «за Ивана не нужно идти замуж, а к Петру ты присмотришься». Конечно, просто по жизненному опыту иногда видишь, что угрозы для будущей семьи очень велики, но и тут начинаешь заниматься пастырской педагогикой: хорошо, общайтесь, через полгодика сохранится желание – давайте тогда подумаем, какой следующий шаг можно сделать.

Если создать семью собираются студенты, в любом случае их семья будет материально зависима от тех, кто будет их поддерживать. Даже если люди сами себя обеспечивают, тоже стоит проверить себя временем. Если противоречия очевидны священнику на начальном этапе, то от полугода до года общения их выявят и для самой пары.

Нужно не дать обвенчаться по первому порыву влюбленности или страсти, эмоционального стремления людей друг к другу, 6-10 месяцев покажут более реальную картину отношений. Других запретов я никогда не ставлю.

Если родители жениха или невесты сомневаются или против, советую постараться избежать конфронтации на начальном периоде, сначала убедить родителей в том, что ваше намерение серьезно. Продолжайте общаться и при этом держите себя в рамках христианской нравственности. Родители любят своих детей и, как правило, если убеждаются в серьезности намерений жениха или невесты ребенка, соглашаются на брак.

У нас на приходе были люди, которые полюбили друг друга в очень юном возрасте. Их можно было бы расписать и обвенчать, но это не было бы полноценной семьей. Этим молодым людям нужно было помочь пройти путь до брака, не нарушив правды Божией в своих отношениях. Этапами такого пути были благословение воспринимать себя как жениха и невесту, в очень редких случаях – обручение до венчания: вы уже обязанности друг по отношению к другу имеете, а прав еще никаких не имеете.

– А браки с неверующими – какая здесь у вас практика?

– В случае сложившихся семейных отношений, где один член союза верующий, а другой – нет, я удерживаю от венчания, упреждающего обретение веры. Церковь смотрит на пару, зарегистрировавшую отношения по государственному закону, как на семью, а не как на незаконный союз.

Венчаться же, я убежден, нужно тогда, когда два человека хотят строить семью как малую Церковь, а не с тем, что повенчаемся – и это как-то сработает на обретение веры неверующим мужем или женой. Если что и сработает, то не это. Таинства магическим образом не воздействуют. Куда как большим торжеством и победой верующего члена семьи будет, когда после лет совместной жизни и христианского свидетельства муж или жена скажут: да, я теперь готов или готова к тому, чтобы наш брак стал венчанным.

– Благословляете брак с неверующим?

– От заключения брака с человеком, не разделяющим сознательно православное вероучение и не практикующим его в качестве члена Церкви, я когда-то решительно предостерегал. Сейчас скажу так: главное – чтобы человек был в душе хорошим и нравственным, не противопоставляющим свое мировоззрение христианству.

Если она акафисты читает, но карга, то это куда как более безнадежно, чем если она пока честно тебе скажет, что не может вместе с тобой подойти к исповеди и Чаше, но ты видишь, что человек живет по правде Божией. Хорошего человека Бог к Себе приведет.

Воцерковленность – не гарантия семейного счастья. Мы теперь это знаем, а в 90-е у нас была иллюзия, что если мы все свои в храме, верим, молимся, то по факту воцерковленности в семье не может быть плохо – но будем честны, может. Кризисы в семье никуда не денутся, и от трагедий сам факт пребывания в Церкви не уберегает. Может быть, от каких-то крайних низостей и подлостей уберегает.

– А есть ли какой-то общий совет тем, чья семья в кризисе, на грани развода?

– Когда семейные пары доходят до грани развода, тут тоже нет какого-то единого стандарта, что им сказать. Я прошу принять мораторий на ускоренное юридическое оформление решений. Хорошо, вы решили, что вы не можете жить вместе, накопилось неверие в того, кто рядом с тобой – что он может перемениться, или в себя – что ты сможешь понести этого человека. Зачем в ЗАГС сразу идти? Подождите, дайте себе год, не спешите. Иногда это помогало.

Когда проговариваются какие-то слова, тем более – совершаются действия, то человек сам себя ощущает ими связанным. Я знаю один-два случая, когда люди восстанавливали семью после официального развода через ЗАГС, но это куда как труднее сделать, чем

если вы не подписали этих бумаг. Лучше не спешить, не резать по живому.

Человек в Церкви ищет сочувствия

– Отец Максим, когда человек приходит в храм с большим горем, как священник может человека утешить и поддержать?

– Когда человек приходит в храм с горем, в первую очередь священнику необходимо иметь желание его поддержать. Самое главное, чего все мы хотим вообще в жизни – чтобы нас любили. Эта потребность души часто забывается какими-то суррогатами и подделками, но она есть. И священнику, и не священнику по отношению к скорбящему человеку важно не свести себя к функционалу, не сказать просто правильные слова, что все мы встретимся, мы же верующие люди, нас ожидает вечность, а если и процитировать апостола Павла о том, что наша скорбь не должна быть как у не имеющих упования, – то не просто процитировать, а сопереживать.

Если не откажешься от сопереживания, Господь положит тебе на сердце те слова, которые нужно сказать. Не стоит превращать себя в религиозный персонал. Человек в Церкви ищет сочувствия, которого не может найти во внешней среде, а не решения проблем по похоронам. Побывать с кем-то душой труднее всего, но как христиане мы именно к этому призваны.

Готовясь к интервью, я зашел на «Правмир» и прочитал, что Святейший Патриарх сказал то, что очень хотелось услышать: если священник говорит родителям, что дети болеют или умирают по их грехам, – это профессиональная непригодность. Принцип простой: я знаю, что мои болезни – за мои грехи, а по отношению к другому человеку я не имею права сказать, что дети твои страдают или близкие твои умерли, потому что ты сугубо виноват. Это противоречит самой сути Евангелия.

Мне приходилось говорить прихожанам, что нельзя отталкивать других

– Хочу спросить о прихожанах на богослужении, как вы добивались того, чтобы в храме было тихо и чтобы прихожане молились, а не обсуждали последние новости за неделю?

– Есть один принципиальный совет: сам священник должен стремиться молиться на богослужении и его любить. Отношение к богослужению не скроешь и не сыграешь. Мы стремимся на службы туда, где мы чувствуем, что в алтаре молятся, и не очень стремимся туда, где, может быть, даже блистательно поют, но почему-то у нас этого ощущения не возникает.

Настоятелю для того, чтобы не допускать разговоров хотя бы на литургии в алтаре, чтобы присутствующие там священно- и церковнослужители были сосредоточены на том главном, что на литургии совершается, не нужно быть каким-то чрезвычайным подвижником благочестия. Нужно просто не махнуть на это рукой и не считать, что ничего нельзя с этим поделать – не нами началось, не нами кончится.

Важно не попускать очевидных беспорядков на приходе. Нужно всегда начинать богослужение вовремя. Если люди знают, что служба начнется тогда, когда написано в расписании, плюс-минус одна минута, то они сами научатся приходить вовремя.

Если на воскресном всенощном бдении присутствуют все клирики храма, а не один служащий, то проще объяснить прихожанам, почему нужно ходить на воскресное всенощное бдение. Деликатно, а иногда и не очень деликатно, но регулярно говорить родителям, что они отвечают за своих детей. Я говорю прихожанам, что чужим детям делать замечаний не надо, но за то, чтобы их дети не мешали другим людям молиться, родители в ответе.

Если правильные вещи проговаривать и не профанировать, то они более-менее устанавливаются на приходе, а потом новоприходящие сами вписываются в эти рамки.

Как-то неловко становится писать записки во время Евхаристического канона, когда видишь, что свечник их не принимает. Добрые обычаи устанавливаются, только нужно все время трудиться над их сохранением.

– Вопрос о проповеди, которая бывает нередко невыносимо скучна...

– Проповедь становится формальной и скучной, когда к ней не готовятся. Если священник скачал из интернета два текста и сделал какую-то компиляцию, потом вяло пересказал или зачитал по листочку, это будет не проповедь, а политинформация. О правильном, о вечном, о душеполезном, но политинформация. Если он готовился по-настоящему – каждый по-разному, в зависимости от опыта, дарований, навыков, – то она будет проповедью.

Если человек три года служит, ему нужно читать опытных проповедников, слушать, входить в понимание евангельского текста. Если четверть века служит – можно просто Евангелие перечитать, вспомнить, что он уже говорил, и помолиться, чтобы Господь дал что-то новое сказать на эту тему.

Затрагивать на проповеди общественно-политические темы – это исключительная прерогатива архиерея. Его служение предполагает некий выход в более широкую общественную проблематику с точки зрения видения ее в свете Евангелия. Священник, за редчайшим исключением, не должен выходить за рамки евангельского благовестия или темы праздника.

Примеры, конечно же, приводить нужно, причем нужно стараться, чтобы они были убедительными и жизненными для тех людей, которым ты говоришь. Собственно, святоотеческая проповедь в значительной мере это и предполагала. Святители Иоанн Златоуст и Василий Великий, говоря о нравственности, расцветивали свои проповеди примерами вплоть до области спорта.

Яркое и убедительное сравнение или жизненный пример, взятый из действительности, должен быть не обидным. Он не должен работать таким образом, чтобы кто-то почувствовал себя униженным или оскорбленным. Воспитание комплекса вины в людях, которые слушают проповедника, – легкий способ, но неправильный. Осознание дистанции между евангельской правдой и собственной жизнью вместе с побуждением не опускать руки, а плыть против течения – вот что должно быть в проповеди.

– Отец Максим, а на какие вещи в жизни прихода нужно обращать особое внимание, чего опасаться и не пропустить?

– Если богослужение – главное в жизни прихода, и священник стремится, чтобы между его прихожанами были адекватные христианские отношения, то они возникнут. Весь опыт церковного предания об этом говорит.

Но тут возможна такая подмена, как тенденция к элитарности, к замкнутости. Нам хорошо друг с другом, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, возьмемся за руки, друзья, чтобы не пропасть поодиночке. Мы взялись, и нам другие в этом кругу не нужны, особенно если эти другие не слишком вписываются, из другого социального слоя, другой нации, другого психотипа, с другим представлением о нормах церковной жизни.

С такого рода восприятием «православного человека, но не нашего круга» нужно бороться, иной раз жестко и неделикатно. Мне приходилось озвучивать и в общении с людьми, а иногда и с амвона, что нельзя отталкивать других, непохожих. Каждый имеет право в любом храме стать прихожанином, членом христианской общины.

Еще одна тенденция, которая меня не радует – что приходы не общаются между собой. Я стараюсь пользоваться всеми представляющимися возможностями показать своим прихожанам жизнь на других приходах – это могут быть любые интересные мероприятия, от открытия музея до брейн-ринга. Нужно расширять кругозор и учиться видеть что-то в церковной жизни помимо своего хорошего прихода и прекрасного или не прекрасного, но своего батюшки.

Главное время для молитвы – в дороге

– Имеет ли священник право на свободное время?

– У меня нет выходного дня, бывают «выходные часы», когда утром, когда вечером. Убежден, что семья священника должна быть ограждена от ночных звонков и СМС, кроме действительно чрезвычайной нужды. Своих прихожан я от этого отучил: ответа не будет, и по этому поводу будет достаточно решительная реакция. Есть нормальное время, когда нужно обращаться по регулярным вопросам.

У нас есть приходская рассылка, куда можно написать о нуждах, актуальных, но не требующих срочного решения, или о молитвенной поддержке, когда хочется эту поддержку ощутить. На нее подписано большинство регулярных прихожан: люди

читают, пишут, могут общаться между собой и знают, что священники ее тоже читают и отвечают.

Я уже давно для себя понял, что главное время для молитвы – в дороге. Если я очень устал вечером или мне будет нужно рано вставать утром, и я не смогу помолиться так долго, как хотелось бы, то я буду использовать то, что Господь дает в нынешней ситуации, в нашу эпоху. Ты едешь в общественном транспорте или за рулем автомобиля – молись. Не залезай в телефон, не читай необязательных новостей, используй это время для приобретения навыка молитвы – или своими словами, или текстами, которые знаешь наизусть.

Отпуск – это не отказ от своего призвания или служения, просто без этого силы кончатся, шарик сдуется. Я стараюсь делить его на несколько частей в году: на месяц не уедешь – ни дела, ни руководство тебя не отпустят так надолго. Если это неделя или дней десять, возможна более полная изоляция: только самые родные люди рядом и никаких дел на это время. Думаю, что каждый имеет на это право.

– А как священнику, да и любому человеку, уметь посмотреть на себя со стороны?

– Есть один способ, который работает, хотя не всегда его просто применить к себе: слушай, что тебе близкий о тебе скажет. Прихожане или подчиненные – не скажут. Коллеги – очень отчасти, друзья, если настоящие, – иногда, а вот муж или жена, родители или дети скажут. Они тебя видят настоящим и не будут лицемерить, воспринимай это серьезно. Это может быть болезненно, этого может не хотеться, на это легко начать обижаться, но это работает.

Кроме того, в близких отражаются наши немощи. Когда ты видишь какие-то изъяны в тех, кто много лет рядом с тобой, – это же ты!

Бывает, живет человек – и ни супруга не стала христианкой, ни дети не воспитались верующими. Если вокруг тебя духовная пустыня, никто через тебя к Богу не пришел, то есть о чем задуматься.

Если говорить об исповеди, у нас есть епархиальные духовники. В моей жизни – мудростью выбора Патриарха Кирилла и приснопамятного Патриарха Алексия – это всякий раз были священники, которым легко было обо всем сказать, которые могли поддержать и утешить, пожалеть тебя, а иной раз и укорить. Если знаешь за собой очевидные, не нуждающиеся в каких-то объяснениях и наставлениях вещи, можно исповедовать их любому священнику.

Бывают отношения, сложившиеся до священства, – и это другое, мне кажется. Со дня моего крещения и до дня кончины протоиерея Александра Егорова, почти четверть века, я был очень непослушным, плохим, но точно знающим своего пастыря его духовным чадом. Не было безотцовщины.

Когда отец Александр умер, я очень скорбел, что не получается найти еще кого-то, с кем возникли бы такие же отношения. Один очень опытный, мудрый священник тогда сказал: этого и не будет, отец в жизни бывает один, потом могут быть только старшие товарищи, опытные наставники, те, кто будет тобой в той или иной мере руководить и поддерживать. Я как-то это принял, и когда мне нужен совет, который невозможно таким регулярным образом получить, в особенных жизненных ситуациях, еду на могилу отца Александра на Немецком кладбище. Мне кажется, там я получаю ответы на свои вопросы.

АННА ДАНИЛОВА

<http://www.pravmir.ru>